

Есенин Сергей

23.9.95.

АРХИВ

Александр САХАРОВ

Есенин был очень общительным человеком. Он постоянно был окружен целой ватагой товарищей, а то и просто случайных знакомых. Но среди этого многоголосства было несколько человек, которых он выделял, с которыми устанавливались сердечные отношения, продолжавшиеся иногда по многу лет. Одним из таких ближайших друзей был Александр Михайлович Сахаров (1894 – 1952).

Питерский рабочий-печатник, он в годы революции стал сотрудником различных полиграфических управлений, по делам службы часто приезжал в Москву, а временами и жил здесь. Зайдя как-то в декабре 1918 или январе 1919 года в кафе поэтов на Тверской (раньше оно называлось "Домино"), он попал на выступление Есенина. На вечере случилась перепалка Есенина с публикой, в нее вмешался Сахаров, причем не на стороне Есенина. Знакомство началось со скандала, но вскоре они перезнакомились и сдружились.

Сахаров помогал Есенину, его грузьям-имажинистам с издательскими делами. В 1922 г. на собственные средства под маркой издательства "Эльзевир" он выпустил "Пугачева" Есенина. В эти годы они сблизились настолько, что, уезжая за границу, Есенин намеревался оставить Сахарову завещание на все свои опубликованные и неопубликованные произведения. Обращаясь с деловой просьбой, писал: "Прошу тебя, как единственного родного мне человека..."

В первую после зарубежья поездку в родное Константиново в мае 1924 г. он взял с собой в спутники Сахарова. И одно из главных своих произведений, крупнейшую вещь, написанную в связи с этой поездкой – "Русь советскую", он посвятил Сахарову. "Вот этот человек сделал для меня много. Очень много. Он прекрасно знает русский язык", – говорил Есенин одному из друзей. "С Сашкой он считался, как ни с кем из друзей, верил ему и его мнению", – подтверждала Г.Бениславская.

Приезжая в Ленинград, Есенин обычно останавливался на квартире Сахарова, у него хранил часть своего архива. В Москве же Сахаров неизменно бывал у Есенина. В сентябре – октябре 1925 г. вместе с Есениным, его сестрами, С.Толстой и В.Наседкиным он снялся на известной фотографии в студии в Столешниковом переулке. Это были последние снимки в жизни поэта. Последний раз они увиделись у входа в клуб Союза писателей. Это было накануне рокового отъезда Есенина в Ленинград.

После смерти Есенина Сахаров не изменил его памяти. В среде ленинградских книжников он даже получил прозвище "Есенинец". К нему одному из первых обратился в 1926 г. И.Евдокимов, составивший сборник воспоминаний. Сахаров начал писать их, назвал "Обрывки памяти". Воспоминания были анонсированы в сборнике, но Сахаров, прислав начало, так их и не закончил, оборвав на самом начале – встрече 1920 г.

Здесь впервые полностью публикуются две главки.

А.Сахаров, С.Есенин

В "Домино" с Есениным

Нужный человек

Через некоторое время мне пришлось переехать на постоянную работу в Москву.

Я давно не видел Есенина, да и желания особого видеть его не было. Что ни встреча – скандал...

Слчай... Судьба... Мы сидим в "Домино" с моим другом и собратом по работе в Полиграфическом отделе ВСНХ. Увлечены беседой об очередных делах – задачи момента, борьба с "желтым" союзом, добывание пайка рабочим-печатникам и т.п. И тут же частный вопрос – вопрос, где мне достать квартиру (жил я в общей канцелярии ЦК печатников). Кто-то подходит к нам и здоровается с моим другом, я поднимая голову – Мариенгоф.

– Знакомьтесь.

Обменявшись рукопожатиями, и Мариенгоф присаживается к нашему столу.

Начинается трафаретный разговор: "Что делаете? Где работаете?" И когда мой друг называет учреждение, в котором мы занимаемся, Мариенгоф задает вопрос:

– Может быть, по старой памяти книжечку поможете выпустить?

Вместо ответа мой друг глазами показывает на меня и говорит ему:

– Председатель коллегии. Побеседуйте.

Мариенгоф кричит:

– Сережа, пойди сюда.

Из комнаты для членов союза к нашему столу идет Есенин, я сижу к нему спиной. Он подходит легкой походкой, улыбаясь, подает руку моему другу и чеканит фамилию:

– Есенин.

Повертыивается, протягивает руку мне... и на лице улыбку сменяет злое выражение – он видит ненавистную для него "кожаную куртку". В два прыжка он отскакивает от стола. Мариенгоф бежит за ним, и я вижу, как он что-то настойчиво говорит на ухо Есенину, в чем-то настойчиво убеждает.

Через несколько минут к столу подходит смущенный Есенин, извиняется передо мной за свой горячий порыв, садится рядом со мною, весь вечер молчит и мнет шапку в руках. Разговаривает Мариенгоф. Говорит просто и убедительно. Так бы ему говорить с эстрады. Читать стихи в этот вечер Есенин отказался.

Впоследствии Есенин частенько вспоминал эти стычки.

– Помнишь, Сашка, как мы с тобой сцепились? Не поскандаль мы тогда, может быть, прошли бы мимо.

А когда я спрашивал, почему он так отпрыгнул от меня, он ответил:

– Да уж больно у тебя шапка была на чекистскую похожа, а я чекистов не люблю.

Действительно, тогда была мода на авиаторский шлем, и многие сотрудники чека носили такого рода шапки.

Я же носил обыкновенную "финку", которая в Питере принята чуть ли не с его основания.

Впоследствии Сергей к этой шапке привык, как привык и к ее обладателю, и не постыдился поместить себя на одну фотографию вместе с этой "чертовой кожаной курткой".

Слова же, которые шептал на ухо Есенину Мариенгоф, были таковы:

– Что ты делаешь, Сергей? Если тебе дорог выпуск наших книг, иди к столу и сиди! Это нужный нам человек.

Сближение

"Домино" оказалось необходимым местом отдыха. С каждым днем привязанность к нему росла. От лепешки с творогом перешли к правильно поставленному буфету, от буфета – к кухне. Открылась столовая, сначала для членов, затем и для гостей. В один из таких обеденных моментов, когда в кафе народу почти никого не было, ко мне, одиноко сидевшему за столом, подошел Есенин. Присел.

– Обедаете?

– Как видите...

– Не хотите ли рюмочку спирта перед обедом?

Я отказался, объяснив, что не пью.

– Обидно, – сказал Есенин. – Да что вы сидите здесь один, скучно, пойдемте к нам, – и он увел меня в правленческую комнату.

В правленческой комнате находилась группа поэтов, из коих я запомнил только одного Кусикова. Читали друг другу стихи.

– Вы поэт? – обратился с вопросом ко мне Кусиков.

– Нет.

– Писатель? Художник?

Я отрицательно покачал головой.

– Ну тогда чекист?

– Нет.

Он выразил полнейшее удивление и посмотрел на Сергея.

Сергей в углу разливал по стаканам спирт и улыбался.

Спирт подогрел настроение поэтов.

Кусиков начал выступать пальцами по столу и под этот аккомпанемент петь куплеты с припевом "ланца – дрица – и – да-да".

Потом Сергей просил его перейти в общий зал. Кусиков сел за рояль, аккомпанировал себе и пел цыганские романсы "Обидно, досадно" и "Две гитары". К последним в качестве припева все собравшиеся подпевали:

Басан, басан, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата.

Есенин подпевал, сидя рядом с Кусиковым, и в тakt музыки ударял в ладоши.

Затем Есенин шепнул Кусикову на ухо – и вместо цыганчины поплыли звуки частушечного перевора. Есенин встал, откинув волосы назад.

– Литературные частушки.
Запел... Голос никакой, неопределенный, но

очень приятный.

Начал с частушки:

Шел туман с Орехова,
Теперь идет на Зуева.
Я люблю стихи в лаптях
Миколая Клюева.

Зал зааплодировал.

Он осекся и заявил:

– Не аплодируйте, я пою для себя и для друзей – и на лице у него появилась нехорошая, презрительная улыбка.

Частушки следовали без перебоя. Небольшое количество публики, собравшейся в зале, боялось чихнуть. Ни разговоров, ни аплодисментов.

Скачет Брюсов по Тверской
Не мышкой, а крысиной.
Дядя, дядя, я большой.
Скоро буду с лысиной.

Это пахнет дерзостью. Великий, единственный Брюсов – и вдруг.

Но следующая частушка затмевает предыдущую:

Эх сильь. Эх жарь.
Маяковский – бездарь.
Рожа краской питана,
Обокрал Учитана.
И тут же о себе:
Ветер дует, ветер веет,
Под подолы шляется...
У Есенина Сергея
Золотые я...а.

И как бы в извинение добавляет:

– Это вполне литературно, это когда я написал в поэме "Иония" – "снесся я золотым яйцом" – один из моих друзей сложил частушку.

Следуют частушки о Блоке, Ахматовой, Кузмине, Василии Каменском и других. Он чередует их с деревенскими мотивами, ухарскими и подчас вульгарными:

Сапоги у нас простые (смазные),
Ножи кованые...
Мы ребята холостые,
Практикованные.
Эх, поп попадью
Переделал на бадью,
Руки, ноги отрубил,
В ж...у пороху набил.

В зале слышен сдерживаемый смех, и вдруг раздается хохот. Есенин смотрит, недоумевая. И начинает доказывать, что ничего дурного он не сказал, что это дурные мысли у слушавших, что слово это есть отлагольная форма имени существительного, происходит от глагола "шепот". Хохот растет... Он бросает петь и уходит с эстрады.

Идем тroe к Арбату: он, Кусиков и я.

– Ловко я им вверну? – спрашивает Есенин и убежденно начинает доказывать, что он прав, что он изучал Потебню, Даля и при изучении этих авторов вынес подобное заключение.

Я еще однажды слышал от него подобные рассуждения в течение двух часов, они оба парадоксальны, но строго обоснованы. Но об этом потом.

Я проводил его до Арбата и, повернув обратно, пошел домой.

Предисловие и публикация
Алексея КОЗЛОВСКОГО